

О. А. Штайн

**ОБРАЗ ХРИСТИАНСТВА
В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: К ПОСТАНОВКЕ
ПРОБЛЕМЫ***

Исследование феномена образа обусловлено расширением в современном мире панорамы коммуникативных средств. Способы функционирования современной культуры предполагают огромный объем циркулирующей вербальной и невербальной информации. Образы форматируют общественное сознание, выстраивая и направляя конструкцию взгляда и оценочных суждений о различных социокультурных явлениях.

Образ религии в целом и христианства в частности также выстраивается в медиапространстве, формируя социальные и индивидуальные ожидания. Поскольку образ является конструктом сознания, последнее как способ восприятия мира и способ протекания психической жизни определяет систему значений, в которой происходит не только мышление, но и видение феноменов. Изучение форм реализации образов необходимо для понимания современной социальной действительности и раскрытия алгоритмов создания новых исторических мифологем, направленных на изменение, а иногда и на искажение традиционных образов, в том числе, связанных с феноменом религии.

Всеобщее увеличение числа антицерковных публикаций в СМИ и интернете заметно каждому жителю России. То, что из тенденции преобразовалось в факт, отмечает и сам Патриарх Кирилл, предлагая использовать медиапространство в интересах христианства: «Блоги, социальные сети — все это дает новые возможности для христианского свидетельства. Не присутствовать там — значит расписаться в собственной беспомощности и нерадении о спасении братьев. Сейчас, когда к церковной жизни в социальных медиа проявляется огромный интерес, пусть и не всегда здоровый, наш долг — обратить его во благо, создать условия для того, чтобы молодежь знала о Христе, знала правду о жизни людей церкви», — заявил он на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви 02.02.2013 в храме Христа Спасителя¹.

В условиях дискуссий о месте религии в постсекулярном мире, поляризации позиций религиозного и либерального сознания в России второго десятилетия XXI в.

* Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки РФ, Соглашение № 14.U02.21.0990.

¹ URL://www.patriarchia.ru/db/text/2770923.html (дата обращения — 06.03.2013).

мы наблюдаем пульсирующее, нестабильное состояние медиапространств в различных его сегментах в резонансе на религию в целом и на христианство в частности. Предъявляемые средствами массовой информации образы православия, католицизма и протестантизма, учитывая культуuroобразующую роль традиционных христианских конфессий и возрастающее влияние относительно новых течений в христианстве должны, по идее, определять вектор этического и духовного, традиционного и должного, вечного и ценного, гуманного и совершенного. Но в медийной практике векторы должного и сущего расходятся, что, с одной стороны, отражает позиции и состояние религии в российской действительности, с другой, формирует ожидания и запросы аудитории, ищущей новые константы, новые модели жизни, не удовлетворяясь шаблонами, поставляемыми глобальной цивилизацией потребления.

В современных российских СМИ центральными темами обсуждения, к сожалению, становятся панк-молебен «Pussy Riot» в Храме Христа Спасителя, часы Патриарха, скандальное крещение дочери Филиппа Киркорова, стояние за веру, «Всеобщий перечень агрессивных антихристианских ксенофобов и наветчиков».

Очевидно, что образы обладают способностью кодировать события, трансформируя их в феномены и символы, открытые к прочтению. «Значение изображения лежит на поверхности»² текста или картинки, определяя структуру образа и интенцию зрителя.

Образ обладает силой перевода явления в свершившееся историческое событие или идеологическую постановку. Религия всегда была одним из векторов построения коллективного сознания и видения. Примером служит история СССР XX в. в утверждении государственной идеологии через отрицание религии.

Известный подписанный Лениным 20 января 1918 года декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»³ провозглашает не только отъятие собственности у церковных и религиозных организаций, но и отъятие права на публичное слово через Обращения, публикации, учебную литературу. Закрываются не только храмы, но и духовные учебные заведения.

Обращение Патриарха Тихона закрыто для публичного услышания, зато записка Ленина в Оргбюро ЦК от 30 мая 1919 года, в которой он требует исключить из партии верующих, изъяты из продажи «книги духовного содержания, отдав их в Главбум на бумагу», [10] опубликована во всех СМИ и оглашена. С этого акта вандализма начинается показательная антирелигиозная цензура и агитация, включающая в себя средства массовой информации и учебно-образовательные заведения. Это история. Однако, то, что сегодня предъявляется в средствах массовой информации в качестве образа христианства, далеко не всегда соответствует цели распространения ценностно-позитивного основания религии как фундамента культуры. Провокации, эпатажные поступки резонируют эхом публикаций относительно Церкви в разного рода СМИ.

В этой связи следует говорить о манифестации применительно к проблеме формирования образа религии, конфессии, Церкви. Под манифестацией понимается «отношение между предложением и субъектом, который говорит и выражает себя, высказывание желаний и веры человека»⁴, под интенцией читателя, зрителя

² Флоссер В. За философию фотографии. — СПб.: СПбГУ, 2008. — С. 14.

³ Собрания узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. — 1920 — № 73.

⁴ Делез Ж. Различие и повторение. — СПб.: Петрополис, 1998. — С. 97.

понимается феноменологический «горизонт восприятия»⁵. Образы коннотативны и представляют пространство для интерпретаций,— «пространство взаимного значения»⁶, поэтому вовлеченные в дискурс вершащейся власти субъекты по разные стороны публикаций являются равноправными творцами новой формирующейся идеологии, в которой место религии в целом и христианства в частности, определено не только культуuroобразующими ценностями, но и репрессивными механизмами.

Образ события в медиапространстве задает новые исторические акценты. Передачи, комментарии, эмоциональные интонации дикторов и ведущих, фотографии и сами статьи определяют канву любого социального явления: значимость его и отношение к нему. Это своего рода метакод свершившегося и несвершившегося исторического события. Чему в пример репортажи с войн. Есть предположение, что первая мировая война стала того, что была медиатизирована вне географических и государственных границ. Сложился новый медиатопос тиражируемого образа,— медиапространство. Другой пример,— всем известный фотоснимок НАСА о следе первого человека на Луне, который оказался американским астронавтом, подтверждает гипотезу об аксиологической и онтологической самостоятельности образа в медиапространстве, который не столько замещает или комментирует, сколько конструирует новое историческое совместное бытие,— со-бытие.

Вилем Флюссер сравнил медиаобраз с «плотиной»⁷, а любая плотина регулирует поток, прерывая естественное течение. Функция медиаобраза, как и функция плотины — удерживать и пропускать, в данном случае, удерживать и пропускать поток информации. Образ не существует вне медиапространства, но в самой материальности медиа есть нечто, что помимо интерпретаций, вызывает чувственный резонанс. Образ эмоционально закрепляет информацию, схватывая нарратив содержания. Следовательно, образное видение с опорой на аффект, выстраивающееся в структурах тела и понятийное мышление с опорой на логику, выстраивающееся в структурах языка, формирует двухрежимное восприятие.

Образ — это конструкт индивидуального и общественного сознания, манифестированный в медиапространство. В этом качестве образ является не только средством социальной коммуникации, он функционирует в мире социальных норм, чувств, переживаний.

Формирование позитивного образа традиционных религий несет социальную значимость: это идеологические устремления, аксиология, воспитание и система образования.

Культурно-историческое содержание гуманитарного образования насыщается ценностями. Русская христианская гуманитарная академия во главе с ректором профессором Д. К. Бурлакой реализует в педагогике авторский автономный ценностно-культурологический подход. Принципом данного подхода является вынесение христианских ценностей в качестве ядра мировой культуры и объективного результата исторического процесса. «Они же (христианские ценности) выступают не только предметом изучения, но тем особенным видом знания, который формирует саму призму оценивания истории, методологию духовного осмысления историко-куль-

⁵ Гуссерль Э. Картезианские размышления.— СПб.: Наука: Ювента, 1998.— С. 315.

⁶ Флюссер В. За философию фотографии.— СПб.: СПбГУ, 2008.

⁷ Флюссер В. За философию фотографии.— СПб.: СПбГУ, 2008.— С. 20.

турного процесса»⁸. Содержание религиозной жизни вводится в учебный процесс не путем доктринальной теологической аргументации, а через принятие ценностного ядра культуры. Аксиологическая методология осмысления религии как основы культуры, традиций и социальных норм позволяет вырастить молодое поколение, чуткое к межконфессиональному диалогу.

Допускать вмешательство личных неприятий или отпустить формирование образов религий самостоятельно, без вмешательства системы образования, органов власти, невозможно. Это политическая установка. Медиапространство может как сохранять, так и разрушать религиозные константы, ведь трансляции подвластны как образовательные передачи о религиях, так и новости о межконфессиональных конфликтах и терроризме. Вспоминаются агитационные советские документальные фильмы о богоборчестве, поражающие своей непримиримо-циничной позицией по отношению к любому направлению христианства. Схожим примером обесценивания и уничтожения религиозных ценностей через медиапространство в борьбе за власть служит цитата из «Собрания узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства» 1920 года за № 73 о священных мощах: «Революционное сознание трудящихся масс протестует против того, чтобы мумифицированные трупы, или останки трупов, или имитация трупов в Советской России могли быть представляемы для эксплуатации масс церковным организациям в их свободное распоряжение, в нарушение самых элементарных порядков общежития и к оскорблению чувств всех сознательных граждан»⁹.

Важно не только, *что* сказано, но и *как* сказано, поэтому образ — феномен вербальной и невербальной коммуникации. Искаженные образы влияют на индивидуальное сознание, внутри- и межрелигиозную жизнь, межконфессиональный диалог, политику государств, духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения.

Изучение механизмов проектирования и влияния образов — задача религиоведения как междисциплинарной области знания. Религиоведческий понятийно-категориальный аппарат для описания процессов влияния медиаобразов на становление общественного и индивидуального сознания должен опираться на эмпирическую социологическую и психологическую базу: контент-анализ СМИ разных уровней: конфессиональные, правительственные, альтернативные, «глянцевые» издания, а также качественные или количественные социологические исследования общественного сознания, включающие фокус-группы служителей, воцерковленного населения, прихожан, людей с атеистическими взглядами разного возраста, статуса, уровня благосостояния и образования. Терминология социальной философии и медиавистики способствует описанию анализа сложившегося в медиапространстве образа религии и ее роли в формировании и трансляции ценностей культуры.

В современном обществе коды, заложенные в медиальный образ как в средство массовой коммуникации, читаемы. Р. Барт анализирует явление «всеобщей» современной мифологизации и массовой культуры как сообщение об инстанции нормы:

⁸ Бурлака Д. К., Шмонин Д. В. Ценностно-культурологический подход к духовно-нравственному воспитанию: опыт Русской христианской гуманитарной академии // Тихвинские межрегиональные образовательные Рождественские чтения. Духовно-нравственное воспитание в новой школе России: опыт и перспективы. Сборник материалов конференции 7 февраля 2012. — СПб.: Каламос, 2012. — С. 32.

⁹ Собрания узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. — 1920. — № 73

«ничего не запрещая прямо, они эффективно делают это косвенно через агитацию или рекламу «подлинного», «настоящего» и «самого лучшего»¹⁰.

Медиаальный образ события — растиражированный технический образ, формирующий новые исторические и идеологические мифологемы, становится онтологически самостоятельным. Он форматирует сознание, индивидуальную и социальную идентичность, образы религии.

Тема исследования образа религии в медиапространстве РФ и корреляция отношения россиян к религии вообще и к христианству в частности, начинает подниматься в ведущих исследовательских российских центрах. Примером служит выступление лета 2012 года руководителя отдела социально-политических исследований «Левада-Центра» Бориса Дубина¹¹ «Образ православного верующего в современной России». Он отмечает, что эволюция «православности» российского общества связана с демонстрацией отношения к государству и власти. В 1988–1991 годах люди рассматривали отношение к Церкви как проявление одной из демократических свобод. С 1992–1994 годы рост количества православных людей противопоставлялся распаду СССР. Это метафорическое единение в противовес политическому «расстрелу» Белого Дома, началу Чеченской военной компании. В 2000-е годы рост числа православных верующих и их принадлежности к Церкви, распространение идеологии великой державы, определил тенденцию к массовому процерковлению населения.

Отношение к православию, протестантизму, католицизму, социологических исследований по последним двум направлениям найти сложнее, — это момент социальной самоидентификации. Демонстрация своей «православности», убежден Борис Дубин, не является механизмом религиозного возрождения, а становится символом идентификации с «мы» как с целым. После распада СССР, после того, как фигура Ельцина стала неизбежно восприниматься как фигура разрушителя страны, общую идентификацию дает только православие и РПЦ, которые вместе с государством поддерживают образ великой державы, о которой так вдохновенно писал А. И. Солженицын: «Стоит всем видимая могучая православная держава, со стороны — поражает крепостью. И храмы наполнены по праздникам, и гремят дьяконские басы, и небесно возносятся хоры. А прежней крепости — не стало».

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Мифологии. — М.: Прогресс, 2000.
2. Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. — М.: Прогресс-Традиция, 2002.
3. Бурлака Д. К. Мышление и откровение. — СПб.: Изд-во РХГА, 2007.
4. Бурлака Д. К., Шмонин Д. В. Ценностно-культурологический подход к духовно-нравственному воспитанию: опыт Русской христианской гуманитарной академии // Тихвинские межрегиональные образовательные Рождественские чтения. Духовно-нравственное воспитание в новой школе России: опыт и перспективы. Сборник материалов конференции 7 февраля 2012 г. — СПб.: Каламос, 2012.

¹⁰ Барт Р. Мифологии. — М.: Прогресс, 2000.

¹¹ URL://www.gazeta.ru/news/seealso/2276333.shtm (дата обращения — 14.03.2013).

5. Гуссерль Э. Картезианские размышления.— СПб.: Наука: Ювента, 1998.
6. Дубин Б. Образ православного верующего в современной России // Московский Центр Карнеги 08.06.2012 // <http://www.carnegie.ru/events>
7. Делез Ж. Различие и повторение.— СПб.: Петрополис, 1998.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров.— М.: Языки русской культуры.— 1999.
9. Савчук В. Коммуникант — эпифеномен коммуникации // Медиафилософия VII. — СПб., 2001.
10. Собрания узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства.— 1920, № 73.
11. Флюссер В. За философию фотографии.— СПб.: СПбГУ, 2008.
12. [URL://www.gazeta.ru/news/seealso/2276333.shtm](http://www.gazeta.ru/news/seealso/2276333.shtm) (дата обращения — 14.03.2013).
13. [URL://www.patriarchia.ru/db/text/2770923.html](http://www.patriarchia.ru/db/text/2770923.html) (дата обращения — 06.03.2013).